

Р. Г. СКРЫННИКОВ

О заголовке Первого послания Ивана IV Курбскому и характере их переписки

В научной литературе давно продолжается спор о смысле и назначении переписки Грозного и Курбского. Н. М. Карамзин рассматривал эту переписку как сугубо личную.¹ Последующие исследования выявили, однако, ошибочность его мнения.

При издании сочинений Ивана Грозного в 1951 г. Я. С. Лурье высказал мнение, что царь написал свое самое известное произведение — письмо Курбскому — в агитационных целях и что различные редакции этого письма выработались в ходе поднятой им широкой агитационной кампании. Наиболее ранняя редакция (ГПБ, собр. Погодина, № 1567), по предположению Я. С. Лурье, восходила, вероятнее всего, к официальному тексту, посылавшемуся «во все Российское царство».² Поздняя редакция Послания Грозного (тексты «сборников Курбского»), как полагал Я. С. Лурье, включала дополнения, восходившие к особой авторской редакции: «адресовав и разослав свое Послание прежде всего „во все Российское царство“ . . . царь озаботился все же и об отправлении одного экземпляра Послания Курбскому и в этот-то экземпляр и приказал вписать заключительную фразу письма».³ Позже царь Иван, согласно мнению Я. С. Лурье, под влиянием едкой критики Курбского подверг Послание официальной переделке, в результате чего возникла Краткая редакция, «может быть, авторского происхождения».⁴

В книге «Переписка Грозного и Курбского» я высказал сомнения по поводу агитационного предназначения переписки и выдвинул текстологические аргументы, опровергающие предположение об авторском происхождении Краткой редакции Послания Грозного.⁵ В новейшей публикации Я. С. Лурье отказался от гипотезы об авторском происхождении Краткой редакции Послания Грозного и в то же время привел ряд новых аргументов относительно агитационного характера переписки.⁶ С определением жанра переписки тесно связаны такие вопросы, как истолкование заголовка Послания Ивана IV и оценка «конвоя» переписки. Эти вопросы заслуживают специального рассмотрения.

¹ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. IX. СПб., 1892, с. 38, 40.

² Я. С. Лурье. Археографический обзор посланий Ивана Грозного.— В кн.: Послания Ивана Грозного. М.—Л., 1951, с. 540.

³ Там же, с. 553.

⁴ Там же, с. 557—558.

⁵ Р. Г. Скрынников. Переписка Грозного и Курбского. Парадоксы Эдварда Кинава. Л., 1973, с. 77—79.

⁶ Я. С. Лурье. Первое послание Грозного Курбскому.— ТОДРЛ, т. XXXI. Л., 1976, с. 209, 229.

Понятие «конвоя» впервые разработано и введено в науку Д. С. Лихачевым. Для исследования истории текста данные о «конвое» имеют существенное значение. Наблюдения за устойчивым комплексом документов, сопутствовавших Посланию Курбского, позволили автору настоящих строк сформулировать тезис о «вольмарском конвое» переписки. Я. С. Лурье использует при анализе «конвоя» ранее выработанное им понятие «печерский сборник». Такое наименование тесно связано с представлением об агитационном происхождении переписки Курбского и Грозного. Погодинский сборник (ГПБ, собр. Погодина, № 1567), писал в свое время Я. С. Лурье, восходит «вероятнее всего к официальному тексту, посылаемому во все Российское царство (и уж, конечно, в такие нуждавшиеся в агитационной литературе районы, как Юрьев и Печера)».⁷

Первое послание Курбского царю окружено компактной группой документов, органически связанных между собой. Наиболее полно этот «конвой» представлен в рукописных сборниках: ГИМ, собр. Уварова, № 1584, и ГБЛ, ф. 178, Музейное собр., № 4469. В состав «конвоя» входят записка Курбского в Юрьев; его же послание из Вольмара старцу Васьяну и царю; послание эмигранта Т. Тетерина из Вольмара в Юрьев; грамота А. Полубенского из Вольмара в Юрьев по поводу имущества Курбского. Перечисленные документы «конвоя» составляют единый комплекс, ибо все они написаны в одном месте, в одно время и по одному поводу. Таким поводом было бегство боярина Курбского из Юрьева в Вольмар.⁸ Вольмарский «конвой» наиболее полно представлен в рукописных сборниках, отражающих первую фазу переписки Курбского и Грозного. В них есть Послание Курбского, но нет ответа Ивана IV.

Наблюдения за «конвоем» позволили установить, что Погодинский сборник (ГПБ, собр. Погодина, № 1567), названный Я. С. Лурье «печерским», отражал не раннюю, а позднюю фазу формирования рукописного сборника, когда вольмарский «конвой» подвергся заметному разрушению, зато в состав сборника было впервые включено ответное послание Грозного Курбскому.

Итак, сборники раннего состава заключали в себе одни только письма государственных преступников, а следовательно, они агитировали не за Грозного, а против него. Совершенно невероятно, чтобы Москва могла посылать такие сборники в Печеры или любое другое место в агитационных целях. Применение названия «печерский» к сборникам этого состава кажется поэтому неоправданным.

Ранний сборник приобрел новое идейное звучание после включения в него Послания Грозного, но произошло это, согласно наблюдениям А. А. Зимина и Я. С. Лурье, не ранее первой трети XVII в.⁹ Очевидно, этот новый сборник не имел никакого отношения к предполагаемой агитационной кампании Ивана IV, захватившей район Юрьева и Печер в 60-х гг. XVI в. Таким образом, наименование «печерский» едва ли можно применить и к сборникам этого типа.

В своей последней публикации Я. С. Лурье называет «печерскими» как сборники раннего состава (типа ГИМ, собр. Уварова, № 1584), так и сборники позднего состава (типа ГПБ, собр. Погодина, № 1567).¹⁰ Аналогичным образом А. А. Зимин, упомянув о вольмарском «конвое»,

⁷ Я. С. Лурье. Археографический обзор. . . , с. 540.

⁸ Р. Г. Скрынников. Переписка. . . , с. 77—79.

⁹ Я. С. Лурье. Первое послание Грозного. . . , с. 208, 221; А. А. Зимин. Первое послание Курбского Грозному.— ТОДРЛ, т. XXXI. Л., 1976, с. 182.

¹⁰ Я. С. Лурье. Первое послание Грозного. . . , с. 208.

замечает: «Весь комплекс сочинений также можно назвать „Печерским сборником“, по месту, где он мог сложиться».¹¹

К сожалению, гипотеза о печерском происхождении сборников с перепиской Грозного и Курбского полностью противоречит всем наблюдениям относительно «конвоя» переписки. Анализируя состав сборника, Я. С. Лурье связывает с Печерами два документа Курбского: краткую записку в Печерский монастырь и его же послание старцу Васьяну.¹² Указание на записку Курбского основано на некотором недоразумении. Записка заключала просьбу Курбского изъять его писания из его избышки в Юрьеве. Туда она, очевидно, и была адресована.¹³

В «конвое» Послания Курбского только один документ адресован в Печеры, тогда как все остальные, включая краткую записку Курбского, письмо А. Полубенского, письмо Тетерина и Сарыхозина, четко адресуются в Юрьев. Название «юрьевский сборник» имело бы под собой некоторое фактическое основание, но и его нельзя признать удачным. Если бы исследуемая подборка писем действительно была составлена в Юрьеве, то чем можно объяснить тот факт, что в подборку не попало письмо юрьевского наместника М. Я. Морозова к Тетерину и Сарыхозину, зато был включен крайне обидный ответ Тетерина и Сарыхозина?

Если предположить, что письма, адресованные в Юрьев и Москву, неизвестным путем все же оказались в Печерах, то это ставит перед исследователем новые вопросы. Почему печерские монахи, формируя сборник, не присоединили к Третьему посланию Курбского в Печеры двух первых, органически связанных с ним?

Оставаясь на почве твердо установленных фактов, можно указать на один признак, бесспорно объединявший документы «конвоя». Все они были составлены в Вольмаре тотчас после бегства туда Курбского. Кружок новых покровителей и единомышленников беглого боярина имел основание сохранить черновики своих писем. Однако, коль скоро беловики писем были отправлены на Русь, они должны были собраться, как в резервуаре, в Москве. Факты прямо подтверждают такой вывод: царь Иван хорошо знал письмо Тетерина из подборки вольмарских документов, хотя это письмо вовсе не было адресовано царю. (Со временем Грозный не пожалел труда и написал Тетерину ответ). Письма государевых изменников из-за рубежа жгли руки их адресатов, будь то воеводы или монахи. За недонесение им грозило самое жестокое наказание. Так крамольные письма довольно быстро оказывались в руках царя.

Приняв наименование «печерский сборник» и отметив, что этот сборник мог сложиться в Печерах, А. А. Зимин продолжает: «Эта догадка основана на очень осторожном замечании Я. С. Лурье: „... не из Печорского ли монастыря. . . происходит наш сборник“».¹⁴ В ходе дальнейшего анализа осторожная догадка насчет печерского происхождения сборника претерпевает метаморфозу, превращаясь как бы в доказанный факт, который служит основанием для новых гипотез. Если «печерский сборник» мог сложиться в Печерах, то он также мог оставаться там до появления Грозного. «Вероятно, — пишет А. А. Зимин, — этот сборник был захвачен властями во время царского похода во Псков 1570 г. . . . и попал в царскую казну, где к нему было присоединено ответное Послание царя Курбскому». Гипотеза насчет перехода сборника из Печер в казну дает пищу

¹¹ А. А. З и м и н. Первое послание Курбского. . . , с. 182.

¹² Я. С. Л у р ь е. Первое послание Грозного. . . , с. 220.

¹³ Ср.: там же, с. 230.

¹⁴ А. А. З и м и н. Первое послание Курбского. . . , с. 182, примеч. 25.

для новых догадок. Пожар «государевой казны» в 1626 г., возможно, сделал доступным читателю сочинения И. С. Пересветова; «...сходная судьба могла быть и у послания Курбского»; вскоре после 1626 г. к сборнику с Посланием Курбского было присоединено Послание Грозного.¹⁵

Так история «печерского сборника» оказывается окруженной цепью шатких гипотез, тесно связанных между собой, но не опирающихся на строго проверенные факты. Эти гипотезы не учитывают фактических наблюдений за составом «конвоя» переписки. Между тем история «вольмарского конвоя» отнимает почву у предположения, будто «печерский сборник» раннего состава мог быть прислан в Печеры из Москвы. Излишней становится и гипотеза, будто вольмарская подборка сложилась в Печерах, а затем при самых драматических обстоятельствах была захвачена опричниками и увезена в Москву. Направлять в Печеры более полный сборник в последующее время уже не имело смысла. После казни Васьяна и других монахов там уже некого было агитировать.

Исходя из представления об агитационном характере переписки Курбского и Грозного, Я. С. Лурье относит их письма к жанру «открытых писем». Система аргументации Я. С. Лурье в этом случае зиждется прежде всего на наблюдении за заголовком Послания Грозного, который читается следующим образом: «Царево государево послание во все его Российское царство» и т. д. «Принадлежа первоначальной традиции, — пишет Я. С. Лурье, — заголовок этот (независимо от того, исходил ли он от царя или от его канцелярии) имеет значение важного исторического источника: перед нами достаточно раннее и аутентичное свидетельство о том, что Послание было адресовано во все Российское государство и носило характер обличения крестопреступников».¹⁶ Свой вывод Я. С. Лурье подкрепляет наблюдением за заголовками в двух списках (ГПБ, собр. Погодина, № 1311; ГПБ, собр. Титова, охр. № 1121), представляющих первоначальный вид самой ранней редакции Послания Грозного. В первом списке письмо адресуется «во все его великия Росии государство», во втором — к титулу царя («государя царя и великого князя Иоанна Васильевича всея Русии») добавлено «самодержца». Таким образом, заключает Я. С. Лурье, смущавшая Р. Г. Скрынникова «прозаичность заголовка... («царево государево послание») как раз не характерна для древнейшего вида, — и царь, и его государство именуется здесь более развернуто и торжественно».¹⁷

Приведенные доводы, к сожалению, не рассеивают смущения. Приведу здесь полностью заголовки, на которые ссылается Я. С. Лурье.

ГПБ, собр. Погодина, № 1311,
л. 621

ГПБ, собр. Титова, охр. № 1121,
л. 357

Благочестиваго великаго государя царя и великого князя Иоанна Васильевича всея Русии. Послание во все его великия Росии государство на крестопреступников князя Андрея Михайловича Курбского с товарищи о их измене.

Царево послание государя царя и великого князя Иоанна Васильевича всея Русии самодержца на крестопреступников его на князя Андрея Курбского с товарищи о их измене во все Российское государство.

Можно согласиться с Я. С. Лурье, что перемена в титуле, связанная с добавлением наименования самодержца в списке Титова, придала этому титулу более развернутый и торжественный вид. Но это не самый важный момент в отмеченной перемене. По официальным понятиям XVI в. царский

¹⁵ Там же, с. 182.

¹⁶ Я. С. Лурье. Первое послание Грозного... с. 228—229.

¹⁷ Там же, с. 228.

титул не допускал никаких даже самых малых отклонений. Между тем в титуле Ивана IV имя «самодержец» отсутствовало.¹⁸ Впервые это наименование появилось лишь в титуле Федора Ивановича и Бориса Годунова. Таким образом, отмеченная в списке Титова перемена царского титула никак не могла исходить ни от царя Ивана IV, ни от его канцелярии, строго придерживавшихся официального титула, а относилась к более позднему времени.

Изменения в заголовке списка собр. Погодина, № 1311 менее значительны, но не менее красноречивы. Формула адреса «во все Росийское царство» заменена формулой «во все его Великия Росии государство». Эта последняя форма более характерна для XVII в., когда наименование «Великая Россия» приобрело самое широкое бытование. Таким образом, именно тот заголовок, который Я. С. Лурье рассматривает как древнейший, в действительности имеет признаки более позднего происхождения. Несравненно более важное значение с точки зрения аутентичности заголовка имеет, однако, другой аргумент.

Подлинные посольские копии писем Грозного с полной очевидностью доказывают, что царские послания в полном соответствии со средневековой литературной традицией имели многословные и торжественные заголовки. Они включали символ веры («бог наш Троица») и пояснения, от кого и кому (с подходящими случаям титулами) послано письмо. Например, заголовок письма Грозного к Стефану Баторию имел следующий вид: «Всемогущия святыя. . . Троицы. . . смиренный Иван Васильевич. . . Росийского царствия. . . скипетродержатель. . . Стефану божьему милостью королю». Аналогичным образом начинались два письма Ивана IV к шведскому королю: «Божественнаго. . . троичнаго. . . скипетродержателя Росийскаго царствия, великого государя царя. . . Ивана Васильевича. . . слово наше то Ягану, королю Свейскому и Готцкому и Вендийскому».¹⁹ Следуя трафарету, Грозный снабдил свое письмо Курбскому заголовком того же самого типа: «Бог наш Троица. . . нас, смиренных скипетродржания Росийского царствия. . . ответ. . . князю Андрею Михайловичу Курбскому».²⁰ Внимательное чтение начальных строк Послания Ивана IV обнаруживает, что в них-то и заключен подлинный авторский заголовок, аутентичность которого едва ли может вызвать сомнение.

В подлинном заголовке Грозный упоминал о себе в первом лице. Со временем перед авторским заголовком в рукописи появился второй краткий заголовок. Он упоминал о царе в третьем лице и не был органической частью текста в отличие от авторского заголовка. Какой же из двух заголовков можно считать «важным историческим источником», ранним и аутентичным свидетельством? На этот вопрос не может быть двух ответов. Предпочтение следует отдать авторскому тексту Грозного. Что касается краткого заголовка, то он не только повторял, но и вносил в авторский заголовок существенные искажения. Подлинный заголовок Грозный заключил словами: «Сего православного. . . самодержства. . . повеление, наш же крстьянский смиренный ответ. . . князю Андрею Михайловичу Курбскому. . . ведомо да есть». Иначе говоря: да будет известен Курб-

¹⁸ В письмах королю от имени московских бояр, написанных в 1567 г., царскому титулу придан преувеличенно почтительный вид: «. . . истиннаго благочестия подражателю, великому государю, государем самодержцу, его же милостию и хотением великого царя и великого князя Ивана Васильевича и всеа Русии» (и далее следует официальный титул без «самодержца»). В собственных письмах царь, как правило, следовал трафарету. См.: Послания Ивана Грозного, с. 241, 250, 144, 148, 214.

¹⁹ Послания Ивана Грозного, с. 213, 148; ср. с. 143.

²⁰ Там же, с. 9—10.

скому наш ответ! В кратком заголовке смысл царского «ответа» оказался извращенным: «. . . государево послание во все его Российское царство на крестопреступников его, на князя Андрея Курбского с товарищи о их измене». Иначе говоря: да будет известно всему царству государево послание на Курбского!

К сожалению, Я. С. Лурье игнорирует наши наблюдения по поводу авторского заголовка и вопреки ясному и недвусмысленному показанию источника утверждает, что Грозный и Курбский едва ли рассматривали своих непосредственных адресатов как людей, к которым они обращались в первую очередь, стремясь передать и внушить им какие-то конкретные идеи, и что скорее они писали послания в жанре «открытых писем», ибо главной «целью их написания было обращение к более широким читателям».²¹

Ничто не мешало царю Ивану адресоваться к широкому читателю и рассылать свои писания в качестве «открытых писем» во все царство. Но для этого ему надо было размножить Послание во множестве экземпляров, что неизбежно бы отразилось в рукописной традиции XVI в. Никаких указаний такого рода в источниках XVI в. нет. В ходе дискуссии об аутентичности переписки Грозного и Курбского в самой резкой форме был поставлен вопрос: почему Послание Ивана не вошло в официальные документы того времени и почему оно вообще не сохранилось ни в одном списке XVI и начала XVII в.? Предположения Я. С. Лурье делают этот парадокс вовсе необъяснимым. Ссылка на бедность рукописной традиции не разрешает недоумения.

Грозный многократно обращался с письмами к различным лицам за рубежом. В таких случаях текст царского письма копировался Посольским приказом и включался в соответствующие посольские книги. Таким путем в официальную документацию попали послания Грозного к королям Юхану III и Стефану Баторию, царские письма к литовским вельможам, составленные от имени бояр, и т. д. Копировались не только обращения к официальным лицам, но и неофициальные письма Грозного. Например, когда царь написал саркастическое письмо впаавшему в немилость опричному любимцу Василию Грязному, находившемуся в крымском плену, дьяки включили царский текст в Крымские посольские книги.²² Однако текст письма Грозного к Курбскому в Литовско-Польское государство не попал в Польские книги, сохранившиеся до наших дней. Ни словом не упоминает об этом письме и подробная опись царского архива 60—70-х гг. XVI в. Полное «выпадение» Послания Грозного из официальных документов и рукописной традиции XVI в. ставит под сомнение оценку этого письма как «открытого», а равно и гипотезу о рассылке его во все Российское царство.

Я. С. Лурье указывает дополнительно еще на одну причину отсутствия Послания Ивана в рукописях XVI в. Резкие изменения политики Грозного, опалы, казни в годы опричнины, отмечает он, превращали актуальные публицистические памятники в устаревшие в связи с резкой переменной судеб упомянутых в них официальных лиц; казначей Никита Фуников выступал в царском послании как положительный персонаж, а спустя пять лет подвергся казни как «злбесный изменник»; по причинам такого рода не мог ли «устареть и стать нежелательным. . . официальный памятник — Послание царя „во все Российское государство“?».²³

²¹ Я. С. Лурье. Первое послание Грозного. . . с. 229, 230.

²² ЦГАДА, ф. 123, Крымская посольская книга, № 14, л. 214 об.—217 об.; ф. 96, Свейские посольские книги, № 3, л. 2—31 об.; ф. 79, книги Польского двора, № 13, л. 43—65 об.

²³ Я. С. Лурье. Первое послание Грозного. . . с. 233.

Интерпретацию Я. С. Лурье можно было бы принять, если бы письмо Грозного посвящено было Н. Фуникову персонально. На самом деле Фуникову посвящено не более двух строк, затерянных где-то в конце обширного послания. В яростно обличительном письме Грозный бранит очень многих и почти ни для кого не находит добрых слов. Нет особой похвалы и в его словах о Фуникове. «Что же о казначее нашем Никите Офонасьевиче? — укорял царь бояр, — про что живот напрасно разграбисте, самого же в заточении. . . держасте? И аще убо вся гонения ваша исчести кто доволен может. . .».²⁴ Остается добавить, что дьяк Фуников не принадлежал к числу ведущих государственных деятелей своего времени. В лучшем случае он занимал двадцатое или тридцатое место в официальной иерархии.

Третьестепенные частности не должны заслонять основного содержания интерпретируемого памятника. Послание Грозного явилось подлинной апологией самодержавия. Царь многоглаголюя обосновывал право самодержца на неограниченную власть в отношении подданных. «. . . Российское самодержжество, — горделиво писал он, — изначаяла сами владеют своими государьствами, а не бояре и вельможи»; «Доселе руские обладатели. . . вольны были подовластных жаловати и казнити. . .».²⁵ На разные лады в Послании повторяется мысль, что за непокорство и измены бояре достойны сурового наказания. Царское послание идеологически подготовило почву для опричнины и ее террора. Тезис Я. С. Лурье, будто резкие политические перемены в годы опричнины превратили актуальный публицистический памятник (Послание Грозного) в устаревший и «нежелательный», не вполне учитывает историческую обстановку.²⁶ В действительности чем более широкий характер приобретали репрессии, тем актуальнее становился этот памятник, всесторонне обосновавший мысль о великой боярской крамоле. Спустя тринадцать лет после учреждения опричнины Иван кратко повторил некоторые основные положения Послания в новом письме на имя Курбского. Мог ли царь рассматривать свое Послание как вредное и устаревшее через несколько лет после его написания? Такое предположение мало согласуется с тем, что мы знаем об обстановке момента, а равно и личности Грозного.

Отсутствие Послания в доступной нам рукописной традиции XVI—начала XVII в. подтверждает показание авторского заголовка Послания. Грозный адресовался не к широкому читателю во все свое царство, а к Курбскому в первую очередь. В течение многих лет царя Ивана и князя Курбского связывала личная интимная дружба. Мучительный для обоих разрыв вызвал жгучую потребность объясниться начистоту, выразить накипевшие обиды. Вот причина того, что переписка бывших друзей насыщена интимными мотивами и жалобами, а также взаимными оскорблениями. Конечно, эти люди не были частными лицами. Выдающиеся государственные деятели своего времени, они выражали противоположные политические устремления. По этой причине их послания приобрели значение замечательных публицистических памятников XVI столетия.

Публицистический жанр «открытых писем» либо личная переписка? Такая дилемма кажется несколько упрощенной применительно к переписке. Царское послание не было ни тем, ни другим. Иван написал ответ Курбскому во время поездки в Александровскую слободу и некоторые другие места в первые летние месяцы 1564 г. Решительно разойдясь с боль-

²⁴ Послания Ивана Грозного, с. 52.

²⁵ Там же, с. 13—15, 44.

²⁶ Я. С. Лурье. Первое послание Грозного. . . , с. 234.

шинством старых советников и с влиятельными вождями Боярской думы, царь замкнулся в узком кругу новых единомышленников. Они тщательно поддерживали в Грозном чувство обиды на «непослушных» бояр и втайне от вождей думы вынашивали планы введения в стране чрезвычайного положения. Через несколько месяцев эти люди образовали первое опричное правительство, совершив своего рода государственный переворот. Люди из этого круга (в первую очередь проклятый Курбским «моавитянин» Басманов) сопровождали в 1564 г. Грозного в его поездке, участвовали в обсуждении его письма, а может быть, и служили помощниками ему в этом деле. Поставив целью опровергнуть буквально каждое слово в Послании бывшего друга, Иван воспроизвел в своем Послании все крайне оскорбительные для его имени и чести выпады Курбского. В обстановке обострявшегося со дня на день политического кризиса широкое обсуждение такого письма «во всем царстве», т. е. в среде правящего боярства и дворянской знати, широко захваченных в то время настроениями недовольства, могло привести к самым нежелательным в глазах правительства последствиям. Таким образом, царь вынужден был довольствоваться обсуждением своего Послания в узком кругу единомышленников. Для них этот программный документ и стал руководством к действию.

В древнерусской литературе жанр открытых писем был явлением хорошо известным. Я. С. Лурье с полным основанием указывает произведения этого жанра, появившиеся в первой половине XVI в. Авторы их могли распространять свои открытые письма в более или менее широком читательском кругу. Но располагал ли Курбский возможностями такого рода? Я. С. Лурье склоняется к положительному ответу на такой вопрос. «Противники Грозного из-за рубежа, — пишет Я. С. Лурье, — несомненно могли пользоваться. . . достаточно доступным в то время методом отправления на Русь того, что уже в начале XVII в. получило название подметных, или прелестных, писем». ²⁷ «Прелестные» письма — это средневековые прокламации, получившие распространение в обстановке гражданской войны в начале XVII в. Ссылка на позднейшие «прелестные» грамоты согласуется с представлением об агитационном предназначении переписки. Но в годы опричнины о «прелестных» письмах на Руси ничего не было слышно.

Я. С. Лурье считает, «. . . что авторы таких писем (например, Курбский при написании своих посланий в Печерский монастырь) не только допускали, но и предполагали возможность их достаточно широкого прочтения». В первом письме Курбский прозрачно намекнул на приближающуюся опалу от «Вавилона» — царской власти, во втором — обличал «державных» в законопреступлениях, сравнивал царя с кровожадным зверем и оправдывал «бегунов ото отечества». Широкое прочтение такого письма, написанного еще в бытность Курбского в Юрьеве, равнозначно было для него самоубийству. В бытность свою в России боярин не осмелился ознакомиться со своим письмом даже человека, с которым его связывали доверительные отношения, — старца Васьяна. ²⁸

Я. С. Лурье привел краткую записку Курбского в Юрьев как доказательство того, что тот и после бегства имел возможности для передачи и распространения своих сочинений в пределах Русского государства. Приведем текст этой записки: «Вымите, бога ради, писание под печью, страха ради смертного. А писано в Печоры. . . а положено под печью

²⁷ Там же, с. 230.

²⁸ Р. Г. Скрынников. Курбский и его письма в Псково-Печорский монастырь. — ТОДРЛ, т. XVIII. М.—Л., 1962, с. 100—103.

в избушке в моей малой; писано дело государское. И вы то отошлите либо к государю, либо ко Пречистой в Печоры».²⁹ Какие именно «писания» передал и распространил Курбский в России в этом случае, продолжает свою мысль Я. С. Лурье, точного ответа мы дать не можем; важно, однако, что полемика, обращенная во все Российское государство, началась.³⁰

Текст краткой записки, как кажется, дает весьма точный ответ насчет «писаний», оставленных беглым боярином в тайнике на воеводском дворе в Юрьеве. Курбский сам указал, что его писание адресовано в Печеры. Точные указания («писано в Печоры. . . писано дело государское») ведут нас ко второму (неотправленному) посланию Курбского в Печеры, посвященному критике непорядков в Русском государстве. Я. С. Лурье называет «простой догадкой» такое предположение, но оно все же опирается на прямое указание источника.

Попытка Курбского «распространить» свои писания в пределах России имела плачевный исход. Юрьевские воеводы арестовали слугу Курбского Василия Шибанова и поспешно отправили его в Москву вместе со всеми бумагами и письмами, имевшими отношение к государеву изменнику. После жестокого допроса Шибанов был казнен.³¹ На том и кончилась попытка обращения «во все Российское государство».

Любой жанр, включая публицистический жанр «открытых писем», неразрывно связан с сопутствующей ему исторической эпохой. Обмен «открытыми письмами» предполагает минимальную возможность открытого обсуждения. В преддверии опричнины такая возможность практически исчезла полностью. Внутри страны никто не смел поднять голос против царского произвола. Эмигранты не прочь были распространить свои обличительные письма по всей стране, но они лишены были средств сделать это. Недаром сам Курбский жаловался в конце жизни, что «не возмогах послати» ответ на первые письма царя из-за того, что тот затворил царство Русское «аки во адове твердыне».³² Едва ли можно сомневаться в том, что письмо Курбского имело своих читателей уже в момент его составления. Царь Иван обсуждал свое письмо с помощниками. Письмо Курбского, по-видимому, обсуждалось в кругу русских эмигрантов, обосновавшихся за рубежом и поджидавших прибытия Курбского в Вольмаре. Текстуальные наблюдения над документами, входящими в вольмарский «конвой», позволили обнаружить некоторые прямые текстуальные совпадения в Первом послании Курбского царю и одновременно составленном в Вольмаре письме русских эмигрантов Т. Тегерина и М. Сарыхозина в Юрьев.³³ Однако не имеется сколько-нибудь серьезных доказательств того, что Послание Курбского тогда же нашло путь к читателям в России.

²⁹ Сочинения князя Курбского, т. I. Под ред. Г. З. Кунцевича. — РИБ, т. XXXI. СПб., 1914, стб. 359—360.

³⁰ Я. С. Лурье. Первое послание Грозного. . . , с. 231.

³¹ В ходе дискуссии я принужден был пересмотреть предположение, согласно которому Послание Курбского было передано царю через Г. Плещеева в Озерицах (Р. Г. Скрынников. Мифы и действительность Московии XVI—XVII вв. — Русская литература, 1974, № 3, с. 125). А. А. Зимин тем не менее подверг эту отброшенную гипотезу резкой критике (А. А. Зимин. Государственный архив и учреждение опричнины. — В кн.: Общество и государство феодальной России. М., 1975, с. 297—298).

³² Сочинения князя Курбского, стб. 135.

³³ Р. Г. Скрынников. Переписка. . . , с. 38—40.